

МОНСТРУМ

Дэниел Хорн

Дэниел Хорн

Монструм

«Автор»

2026

Дэниел Хорн

Монструм / Дэниел Хорн — «Автор», 2026

Когда-то монстрологи одним лишь появлением внушали людям глубокое почтение и суеверный страх. Но та эпоха поросла быльём. Чудовища сгинули так давно, что грозное звание «монстролог» сохранилось разве что в детских байках. Иллион - один из последних служителей угасающего ордена. Его удел - влачить дни в уединённой твердыне Гиарат, медленно осыпающейся под гнётом пепельных песков и забвения. Всё меняется, когда яростная буря приносит в земли Дэл-Илана загадочного мальчика вместе с детищами нечистой силы. Иллиону предстоит встать на защиту ребёнка - и напомнить миру, почему прежде служителей его ордена считали последним оплотом человечества.

© Дэниел Хорн, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I - ГРАУ-ХАЛЛОТ. Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дэниел Хорн Монструм

ЧАСТЬ I - ГРАУ-ХАЛЛОТ. Глава 1

*Среди цепей промёрзших грозных гор,
Где бездну скрыла снега пелена,
Ворвался жуткий вихрь внутрь её нор
И вырвал Нечто из объятий сна.
Оно от всех таилось в чёрной глубине -
Вселенский мор, кой там давно забылся.
Разверзлись стены в стылой той тюрьме,
И к свету... мерзкий Узник устремился.*

- Половина ступни в ботинке, пара ушей и две кисти рук, одна без мизинца. Восемь с лишком килограммов человека, - пробормотал путник, ещё не подозревавший к какому бедствию его ведут собственные ноги. Звали его Иллион.

Ремеслом он восходил к монстрологам - знатокам нечистой силы и мастерам охоты на её порождения. Больше двух тысячелетий назад одно лишь их появление внушало людям глубокое почтение и суеверный страх. Но та эпоха поросла быльём. Чудовища сгинули так давно, что грозное звание «монстролог» могло проскользнуть разве что в детских байках.

Сегодняшний, настоящий чудищевед своим обликом скорее сулил разочарование, нежели внушал благоговейный трепет. Он казался лишь иссохшим от голода побирушкой, без единого намёка на величие древних предшественников. На деле, путник никогда не опускался до попрошайничества, но остальное было правдой.

Иллион - монстролог, захудалый служитель угасающего ордена, вынужденный влачить дни в уединённой твердыне Гиарат, медленно осыпающейся под гнётом веков, пепельного песка и безвестности.

На протяжении последних пяти лет Иллион каждые полгода мерил версты до Торговой Бухты, чтобы закупить еду, материалы и прочий скарб, необходимый для выживания на мертвенной равнине. Обычная, богами забытая доля. Вот только шедший на изъеденных голодной немочью стопах служитель и помыслить не мог, что сегодня спокойный уклад материков Дэл-Иллана сокрушится в одночасье, а сам он наяву станет частью противостояния естественного человечеству миропорядка с вернувшейся в земные пределы нечистой силой.

Но пока что путь чудищеведа пролегал на север вдоль западного подножия массива гор Ардегантов - в шутку прозванных им «нижней челюстью дракона». Меж зубов этого хребта непрерывно проходило дыхание сухого ветра, расстилавшееся дальше на запад, вглубь печально известной пустыни. Путник знал её рельефы во всех подробностях, как мужья до мельчайших родинок и шрамов запоминали тела жён. Но этим знанием двадцатитрёхлетний Иллион, увы, похвастаться не мог. Он бы с радостью проникся изучением женского тела, однако был вынужден смиренно наблюдать за истлеванием останков обезображенного непогодой края. Однако у равнины всё же имелось одно достоинство - её трагичная и глубокая история, которую ценил и в каждой торговой вылазке прокручивал в памяти жаждающий знаний монстролог.

Источником корма для ума служителя выступил с трудом доживший до сегодняшних дней первый корпус гирататовской библиотеки. В его старинных стенах Иллиону повезло докопаться до таких крупниц прошлого пустыни, в которые вряд ли поверили бы нынешние обитатели, изо дня в день борющиеся за жизнь на этих суровых землях.

Две тысячи лет назад Ардеганты и равнина считались единым краем и величали его тогда – Грау-Халлот. Это мёртвое прозвище оказалось настолько старинным, что упоминание его удалось встретить на нескольких чудом уцелевших картах. Вместе с одной из них служителю посчастливилось отыскать дневниковые записи картографа Брезана. Последние слова тот внёс 1983 года назад, завершив подробнейшее описание местности и собрав все известные ему переводы названия края на разные языки. Но сильнее всего Иллиона зацепила заметка в конце дневника. Он перечитывал её так часто, что не заметил дня, когда выучил текст наизусть.

«Это последние слова, что начертает сморщенная рука. Мне больно признавать это здесь, на страницах верного дневника, но я не стану тратить последние крупницы жизни на описание того гниющего трупа, в который обратился мой дом. Это бессмысленно. Былые краски, прежняя жизнь - этого больше нет, а скоро станет ещё хуже. Я кожей чувствую это. За последние двадцать семь лет земля востока материка Антал изменилась до неузнаваемости, и я не понимаю, ЗА ЧТО, МАТЬ ПРИРОДА?! так жестоко наказывает нас? За что наложила проклятие? Но это уже не важно. Мой дом умер, умерла его суть.

Как мне теперь называть это место? Как смотреть на свои карты и видеть то, на что с недоверием будут взирать люди сквозь века? Если вы это читаете, то знайте, раньше всё было не так.

На эваморту - языке эваримов, чьи кости издавна покоятся глубоко под нашими ногами, - «Грау-Халлот» означает - Обитель Плодородия. Теперь же это Обитель Бесплодной земли.

Никто не стал меня отговаривать, но озлобленные взгляды моих друзей ударили по мне тяжелее несказанных слов. Поэтому я ухожу. Их сковал долг, но я клятвы не давал. Простите меня! Я БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ СТРАДАТЬ!!! Могу лишь надеяться, что потомкам не придётся жить вечно на омерзительном пепелище, в каковое обратилась наша прекрасная равнина.»

Концовка заметки не раз побуждала Иллиона задуматься: какой вид мог открыться перед ним тысячу лет назад? Воображение рисовало то, что наделило бы жизнь в пустыне изысканным вкусом: плодовые деревья, сочную, покрытую росой траву, изобилие дикого зверья, капризы погоды, звуки природы, гул людских разговоров и музыку самых разных настроений. Все эти вещи Иллион помнил с детства, когда рос в отчем доме на окраине малой родины - Торговой Бухты. Теперь прежнюю обитель занимали чужие люди, а долг служителя Гиарата не позволял надолго покидать пределы мертвенной равнины, чтобы хоть немного насладиться видами прошлого. К печали монстролога, детские воспоминания тускнели с каждым годом, но, к счастью, горестные обиды выросший сирота почти похоронил - по крайней мере, он в это искренне верил.

Бытие Иллиона обрело новое русло четырнадцать лет назад и привело его в «Обитель Бесплодной земли» - место, за которым сквозь века заслуженно закрепилось народное прозвище «Пепельная Пустошь»: причиной тому была далеко не враждебность местной погоды, а мертвенный пейзаж, покрытый песком цвета праха. Оно подходило краю как нельзя лучше: вид удручающей серой равнины красноречивее любых наставлений мудрых стариков предупреждал путников - здесь люди рассыпаются в пепел. Однако не стоило недооценивать стремление к выживанию, ведь эта часть света, раскинувшаяся на юго-востоке материка Антал на фоне массива раскалённых солнцем гор, всё ещё оставалась обитаемой.

Многие жители материка наивно полагали, будто в пустыне влачат жалкое и короткое существование лишь несколько сотен изгнанных туда преступников или беженцев (на самом

деле их осталось не больше шести десятков), которые вскоре «сгорали», уступая место новым смертникам. Когда-то это действительно было правдой, но за минувшее тысячелетие в круговороте жизни Пепельной Пустоши многое изменилось.

Взять хотя бы то, что ни в чём не повинный Иллион ради выживания - своего и близких - был вынужден растрачивать молодые годы в этих песках. Чтобы пересечь пустыню, ему приходилось преодолевать удушливую жару, дерущий живот голод и сводящую горло судорогой жажду, влача истерзанное лишениями тело по суровейшему месту на материке. Судьба жестоко обошлась с Иллионом, однако ропот с его губ не слетал - это было не в его правилах. Да и слова здесь были излишни, ведь о тяжёлом положении служителя убедительно кричал сам его облик.

Подсохшее и покрытое пятнами от песка лицо со впалыми щёками разбавляли только бледные голубые глаза. Ноги прикрывали заплата́нные тонкие штаны, державшиеся на туго завязанной вместо пояса верёвке, а тело - грязная рубаха с оторванными рукавами. Избитыми камнем сандалиями он оставлял глубокие следы, которые горячий ветер без устали заметал пеплом мертвенной земли, будто никто несколько мгновений назад здесь и не ступал. Длинные, до самых костлявых плеч, чёрные подвыгоревшие волосы торчали из-под второй рубахи, которую опытный путник обернул вокруг головы, дабы уберечься от изнуряющих лучей солнца. Через плечо у него висела другая верёвка, связанные концы которой были продеты сквозь дыры в верхней части старого кожаного мешка, заполненного, как считал служитель, лишь самыми необходимыми вещами.

Но не стоило судить сухожилие по мышце - в силе и целеустремлённости духа Иллиону на всей Пепельной Пустоши не было равных. Ведь мало кто согласился бы посвятить себя защите обездоленных тариканцев и каждые полгода пересекать пустыню, чтобы выкупить «право на существование», и главное - донести это «право» обратно.

На самом деле Иллион и мимолётной мысли не допускал, что когда-нибудь навсегда оставит общину и покинет жестокий дом, но нельзя было отрицать: вылазки за пустыню приносили ему остужающее утешение. Всякий раз, стоило ему мысленно перелистнуть летопись Пепельной Пустоши, путник сразу же переносился фантазией к водам реки Тафилы. Она пролегала рубежом, отсекавшим мертвенный север равнины от южной границы Дун-Эдана, где на её северном берегу бурлила купеческой жизнью Торговая Бухта. Путник планировал добраться до реки через три дня, но ему уже сейчас нестерпимо хотелось кинуться в её прохладную воду и ощутить пронзительный тафиловский вкус.

Погрузившись в грёзы о Тафиле, монстролог проглядел камень. Лодыжку обожгло острой болью. Иллион едва не полетел лицом вниз, но в его голове всё же рухнули в пропасть разума видения о купании. Их место тут же заняла настырная жажда, стиснувшая горло служителя. Он до последнего оттягивал миг, когда сделает хотя бы глоток из запасов, потому что старался сберечь каждую каплю, да и сама мысль об этой воде вызывала тошноту. От неё тянуло затхлостью, а вчерашние глотки отзывались в животе скручивающей судорогой.

Служитель старался сдерживать напор жажды как можно дольше. Всякий раз, когда её власть над телом нарастала, чудище-вед пытался всячески отвлечься. Вот и теперь Иллион принялся пересчитывать скудное содержимое мешка. Окунув в него руку, он нащупал две стеклянные бутылки с тёплой водой. Рядом лежал потрепанный экземпляр двухстраничного руководства «Ксернат». Пальцы скользнули дальше, мимо отполированной до блеска головы Вермила, к притаившемуся на дне прохладному сокровищу.

- Половина ступни в ботинке, пара ушей и две кисти рук, одна без мизинца. Восемь с лишком килограммов человека, - в седьмой раз за сегодня повторил Иллион.

Он достал из сумки покрытый зелёной патины кусок бронзы в форме кисти человеческой руки, который сам же отколол от одной из оставшихся в Гиарате статуй служителей-предков,

и приложил сплав к щеке. Холод заласкал нагретую кожу и подстегнул Иллиона ускорить шаг. Отвлекающий манёвр сработал.

- *Да попей ты уже! Таким макарон я скоро сам пересохну,* - недовольно проворчал внутренний голос.

Это был Вермил, и он жил в голове слуги с детства.

На шестом году жизни Иллион чудом перенёс побои хмельного отца - именно тогда впервые раздался чей-то шёпот. Веселый, задорный, не дававший пасть духом. Поначалу он был ничем не примечательным отзвуком, шедшим бок о бок с мыслями мальчишки, но после трагических событий в Торговой Бухте звук усилился и заговорил голосом Иллиона, помогая сироте выживать на улицах. Собственный голос обитатель коридоров разума обрёл лишь после переезда девятилетнего носителя в Гиарат, и первыми его словами стали:

«Вермил имя мне».

Чудищевед до сих пор не до конца понимал, кто именно с ним говорит. Собственный рассудок? Милосердное безумие изломанного сироты? Воспалённое воображение? Ответа не было, а Вермил никогда не объяснял этого прямо. Но для взрослого Иллиона всё это давно стало несущественным, ведь внутренний голос превратился в неотъемлемую часть его тела, разума, жизни. Он стал незримой рукой, удержавшей сломленного ребёнка от нисхождения в бездну безысходности в первый минувший со смерти родичей год; знахарем, затянувшим нанесённые матерью и отцом раны; другом, разогнавшим унылое одиночество; братом, разделившим редкие крупы радости и тяжкие невзгоды.

- Смотрите-ка, кто объявился!

- *Я спал, а теперь у меня глотку дерёт, и это ты виноват. Себя не жалеешь, меня хоть пожалей.*

- У нас есть это, - монстролог вытянул руку с обломком бронзы.

- *Да что толку с тобой говорить?* - огрызнулся голос. *- Пока не попьёшь, не смей даже имя моё молвить. А будешь дальше мучить меня жаждой, завоплю так, что уши скрутит.*

Вермил смолк, оставив Иллиона наедине с мыслями о бронзовой кисти. Наваждение жажды наконец рассеялось, но его тут же сменили размышления о неизбежности растрат. В эту вылазку слуга намеревался сбыть на три куса бронзы больше обычного и выручить за них внушительные деньги - около четырёхсот идалов. В прошлые купеческие походы Иллион позволял себе продавать не больше четырёх килограммов сплава, за который отсыпали в среднем двести идалов, но этот необычайно жаркий и сложный год не оставлял выбора.

Слуга планировал закупить мешки с плодороднейшей почвой Дун-Эдана, десять свёртков семян мангольда, несколько ящиков свечей, два рулона дешёвой ткани для заплаток, пятьдесят голов катаругов и ещё одну кибитку. Также ему требовался молодой конь породы, приспособленной к жизни в пустыне, а то старичок Вирка совсем уже сдавал.

Существенную же долю этих издержек составляло стадо: Иллион намеревался отдать скот на разведение негласному лидеру Тарика и по совместительству пастуху, чьё катаружье хозяйство чуть не вымерло неделю назад, когда восемь до безумия изголодавшихся пустынных дикарей посреди ночи ворвались в загон и начали заживо поедать катаругов. Каннибалов удалось перебить, но урон они нанесли серьёзный - погибли двое мужчин, а из почти двух десятков животных удалось спасти лишь пять.

На эти вынужденные растраты Иллиону с лихвой хватило бы трёхсот пятидесяти идалов, что само по себе считалось огромной суммой, но остаток монет он хотел применить для решения другой, куда более срочной проблемы.

Обитавшие за пределами Пепельной Пустоши люди едва ли могли представить подобное, но даже пародия на жизнь в жестокой пустыне была сопряжена с бесконечной рутинной - как у тариканцев, так и у тех, кто служил в стенах когда-то величественной твердыни. Невзгод в

Гиарате в этот год выдалось много, особенно после происшествия двухнедельной давности, когда обрушился второй корпус библиотеки (задолго до рождения Иллиона четвёртый корпус тоже оказался погребён под собственными обломками, а третий хоть и выстоял в пожаре, но знания предков до последней страницы обратились в пепел) и крупнейший скальный погреб, где сберегались запасы воды. Именно поэтому Иллион все эти дни был чересчур требователен к двум братьям по службе, которые и до обрушений неохотно исполняли свои обязанности. Моральный дух Густава и Дави падал день ото дня - и куда стремительнее, чем голод неумолимо отёсывал их тела. А ведь на костлявые плечи братьев и без того давило бремя важнейшей миссии, судьбоносной для всех материков Дэл-Илана.

По этим причинам служитель ещё за неделю до торговой вылазки решил, что побратимы выстрадали право на разрядку. На оставшиеся после закупки необходимого деньги Иллион хотел впервые набрать настоящих яств, ничуть не похожих на осточертевшую жителям пустоши горькую плоть катаругов и жёсткие листья мангольда: сочное мясо дичи, кислые зелёные яблоки, хрустящий картофель, даже крепкое вино. Восьмую долю этого добра монстролог планировал принести в общий зал, дабы вернуть искру жизни в быт побратимов, а остальную часть - отдать тариканцам в качестве благодарности за верную дружбу с сынами Гиарата.

Иллион, не хуже других знавший, каково это - терпеть голод, продолжил бы стойко голодать, ведь чудищеведу по долгу службы предписывалось превозмогать любые лишения. Однако случилось то, что заставило старшего служителя принять существование проблемы и пойти на расточительные уступки. Его лишил душевного покоя случайно услышанный неделю назад разговор Густава и Дави. Они раздумывали над гнусным поступком - сбежать из твердыни «на поиски лучшей жизни». Иллиону тогда нестерпимо захотелось взгреть этих двоих за обсуждения предательства ордена, но в нынешнем положении это внесло бы раздор в жалкие остатки их общины. Он прекрасно понимал: сыны Гиарата, как и тариканцы, в этот трудный год не существуют, а откровенно балансируют на грани разных обличий смерти. Поэтому Иллион решил похоронить проблему как можно скорее, «выбив» из младших братьев мысли о побеге с помощью заботы, а не наказания.

Под сухой хруст стебля колючей варты - единственного растущего на Пустоши и обожаемого катаругами кустарника - монстролог заметил возвышавшийся впереди холм и застывшие за ним в каменном безмолвии кроны деревьев. Именно там, в ветвисто-кольцевом окружении продолжало тухнуть солёное озеро, некогда служившее чистым и пресным источником минеральной воды, если, конечно, верить текстам Брезана. Теперь же оно являло собой хранилище жидкого яда, обратившего, судя по дневнику картографа, обступившие берег стволы в твёрдую породу. Впрочем, одним полезным свойством это место всё ещё обладало - оно служило отличным ориентиром, ведь Тафилу от него отделяло менее трёх дней пешего пути.

Неожиданно путника пробрал беспричинный трепет. Сначала он решил, что так тело взмолилось о питье, но дурное предчувствие разрасталось внутри с сокрушительной мощью, будто рядом заплясал незримый беспокойный дух, пророчащий приближение чего-то величественного и устрашающего. Дабы взять себя в руки, Иллион снова принялся перебирать содержимое сумки.

- Половина ступни в ботинке, пара ушей и две кисти рук, одна без мизинца. Восемь с лиш...

Иллион оцепенел от изумления: то, что он прочувствовал кожей и увидел наяву, казалось наваждением. На руку упали две капли, в мгновение ока впитавшие серую пыль и замершие на предплечье. Касания эти взбудрили путника не хуже прыжка в прохладные воды Тафилы. Чудищевед с трепетом поднёс к ним пальцы, но не успел дотронуться, как задул холодный, чуть ли не морозный ветер, совсем непохожий на правящего в Пустоши удушливого собрата. Со времён далёкого детства в Торговой Бухте Иллион впервые почувствовал, что такое мёрзнуть до дрожи, и воспринял это ощущение как последствие великого каприза стихии. Ветер

резко ослаб, а затем вернулся сухой зной, который принёс за собой громовой раскат, заставший служителя врасплох. На Иллиона упало ещё несколько капель, а потом ещё... ещё и ещё. Начался проливной дождь, заставивший сердце путешественника зайти безумной радостью. Запрокинув голову, монстролог до предела раскрыл рот. Он жадно упивался ни с чем не сравнимым нектаром небес, а после, утолив лютую жажду, принялся скакать от счастья по округе, крича во всё горло:

- Это дождь... дождь-дождь. Ливень! Вот капли, и вот капли, это ливень! – Иллион сунул руку в мешок и достал отполированную бронзовую голову Вермила. - Ты слышишь, Вермил? Ливень!

- ***И слышу, и вижу, и наконец попил. Спасибо дождю за это!***

Чудищевед хотел было колко ответить, но его внимание привлекло раздавшееся над головой звонкое стрекотание. Стоило путнику поднять глаза к лазурному небу, как его взору открылось рождение из ниоткуда чернильных, клубящихся грозowych хребтов. Вид этих громадин заставил Иллиона замереть, лишив его самой возможности бегства. Мрачное величие стихии до того пленило служителя, что он не осознавал, как сильно в его разуме забурлило предчувствие приближающейся беды. Сам воздух отяжелел настолько, что у монстролога затруднилось дыхание, но и это не заставило его шелохнуться.

Иллион даже смутно не подозревал, что зрит лишь начало небесного катаклизма.

В одно мгновение стемнело так, будто ночь решила укутать тёмным одеялом небосвод пораньше, а вместе с каплями дождя посыпался мелкий, неприятно секший тело путника град. Иллион вдруг смог прикрыть глаза ладонью - он не желал отводить взгляда, боясь упустить малейшую перемену в небе, и не прогадал. Открывшееся зрелище не просто поражало, оно откровенно внушало служителю страх, настолько могущественными и монструозными казались чёрные тучи. Но куда больше монстролога ужаснул их размер: грозowych хребты растолстели настолько, что скрыли над его головой последний островок лазури, и продолжали расползаться во все стороны на сотни, если не на тысячи километров. Казалось, что беспросветная чернота вскоре возвысится над всем Анталом, а там и над остальными материками. Но даже это явление померкло перед следующим невысказанным зрелищем, заставившим душу путника вжаться в пятки.

В бушующем океане чёрных туч заплясали всполохи фиолетового света, похожие на вспышки худых молний. Мерцание, как показалось Иллиону, дёргалось в такт его разогнавшемуся сердцебиению. Поначалу огоньки не превышали размера небесных звёзд, но, постепенно удлиняясь, вскоре обратились в скользкие нити, кои исчезали в густоте туч. Чудищевед к этому времени уже продрог до костей, но не мог пошевелиться: тело отказывалось подчиняться охваченному небесной бурей рассудку. Внезапно вышина озарилась отвратительным цветом, который путнику никогда не доводилось видеть, и следом раздался оглушительный раскат грома. В голове у Иллиона зазвенело так, что он выронил своего бронзового спутника и с воплем боли зажал ладонями уши. Звон истязал служителя, будто он пролез под юбку гигантского колокола, по которому ударили тяжелой кувалдой. Пока Иллион защищал уши, небо затопило сплетающимися вспышками - огни жаждали слиться воедино. Раздирающий гул наконец отступил, но монстролог чувствовал, что это лишь затишье перед истинной бурей - небеса готовились выплеснуть в мир всю свою ярость. Ощувив витание этого гнева, Иллион в конце концов внял голосу здравого рассудка и согласился с тем, что нужно искать спасение от надвигающейся катастрофы. Пересилив необычный паралич, сын Гиарата подхватил кусок сплава и уже хотел было побежать прочь, как вдруг услышал кричавший сквозь рёв стихии голос Вермила:

- ***Стой! Разве не этого ты ждал?***

- Чего «этого»? Конца света?

- ***Да как же ты не видишь? Это буря из стихов.***

Слова Вермила крепко ухватились за разум Иллиона и подвели к пониманию, что назревающий катаклизм - именно то, о чём долго грезил верный сын Гиарата. Предсказанное предками величайшее событие в мире и описанное ими в руководстве Ксернат (от предсказания сохранились только шестой, седьмой, восьмой, четырнадцатый и пятнадцатый стихи главы «Предвестие», остальные были безвозвратно утеряны), возможно, происходило прямо сейчас. К великой удаче Иллиона, оно выпало на его молодые годы и на тяжелейший период жизни гиаратовской общины.

После слов Вермила и полного осознания происходящего служитель начал чеканить строчки шестого стиха «Предвестия» - те самые, сложенные древними монстрологами сотни лет назад и давно выученные Иллионом наизусть:

*В небе перепутье расползётся,
И свяжет с мирами Дэл-Илан.
Тогда сама погода содрогнётся
И закрутит в тучах ураган.*

Иллион беспрестанно повторял четверостишие и неотрывно следил за сотворением чего-то походившего на сотканное из нитей мириады пурпурных сфер. Два купола разбухали прямо над солёным озером. Это было похоже на величественный небесный танец: фиолетовый, пурпурный, лиловый, сиреневый - пляска множества оттенков. Когда эти сгустки света окончательно налились силой, вспышки пропали, и настало время ярости.

Шары вмиг втянулись, и этот вид заставил чудищеведа всерьёз испугаться за свою жизнь. Путник хотел было лечь на землю и прикрыть голову руками, чтобы заполучить хотя бы призрачный шанс на спасение от гнева небосвода, но не успел дёрнуться, как увидел разрывающиеся пасти сфер. Чёрное небо пронзили тысячи пурпурных нитей. Они устремились далеко по сторонам, навстречу другим линиям, потянувшимся от тысяч других таких же лопнувших фигур. Фиолетовая волна чуть не сшибла Иллиона с ног, но к счастью оказалась не смертельна, а даже наоборот - затопила монстролога чувством, точно он созерцает не грандиозный катаклизм, а редкое и поражающее ум погодное явление. Пока Иллион наблюдал за происходящим, дождь с градом прекратились, а обжигающий холод безвозвратно улетучился вместе, как теперь казалось ему, с ложным страхом, предвосхитившим губительное для всей жизни на материках стихийное бедствие.

За время царствования в небесах бури сын Гиарата успел испытать ворох эмоций: радость, счастье, трепет, страх, ужас, но теперь им завладела эйфория, потому что предсказание из Ксерната продолжило сбываться строчка за строчкой. Из глубин оставшихся после взрыва сфер круглых расщелин на землю полетели два силуэта. Первый, массивный и похожий на четвероногого зверя с огромным хвостом, падал стремительнее, нежели второе, гуманоидное создание, полёт которого словно замедляло небольшое фиолетовое облако. Пока монстролог провожал взглядом стремительное падение неизвестных гостей, с его губ уже слетали строчки седьмого стиха «Предвестия»:

*В пурпуре вихря громовой раскат
в небесах двери перепутья распахнёт.
Чрез ходы эти, как огней каскад,
прибудут те, кто покой наш заберёт.*

- **Хватит глазеть, беги к ним.**

- Завидуешь? - Иллион вернул голову Вермила в сумку. - Тоже хочешь смотреть?

- **Я вижу то же, что и ты. У нас...**

- Да, да... «У нас одна голова на двоих». Мог бы и подыграть, зануда.

- *То, что ты носишь «мою голову» в мешке, перестало быть смешным лет так шесть назад. А теперь перестань поэзией делиться и беги давай. Ты же не хочешь пропустить приземление?*

- Конечно нет! Погоди только...

Не отводя глаз от падающих незнакомцев, служитель сунул трясущуюся от возбуждения руку в мешок и пересчитал содержимое. Всё на месте.

- Ну что, навстречу пророчеству?

- *Ты беги, я догоню.*

Усмехнувшись над шуткой, чудищевед побежал к холму, за которым скрывалось место возможного приземления небесных гостей - солёному озеру.

До вершины холма Иллион, к своему удивлению, добрался быстро. Принесённый бурей свежий воздух не вызвал одышки, и это оказалась не единственная приятная перемена, ведь сернистый запах до сих пор не вгрызся в обоняние путника. Раньше вонь раздирала горло, а затем грудь сразу на подъёме, но теперь еле уловимый серный душок доносился только на верхушке возвышения.

Монстролог начал осторожно сбегать с кручи, поскольку подножие тонуло в чаще каменных деревьев, грозивших чужаку острием каждой ветви. Однажды служитель просчитался и чуть не налетел на природное копьё, целившееся ему в грудь, но путник оказался достаточно ловок, чтобы размянуться со смертью.

Вбежав в плотное кольцо пока небольших каменных стел, Иллион устремил взор ввысь и увидел летящих навстречу гибели существ, а падали они удивительно долго. Тем не менее служитель понял: громадная бестия вот-вот приземлится вглубь чащи, а гуманоид летел дальше, возможно в солёное озеро, воды которого могли за считанные минуты высосать жизненные соки из небесного гостя.

Иллион рассудил, что бежать нужно левее, дабы выйти точно к месту падения животного подобного существа. Углубившись в более широкие ряды стволов каменных деревьев, служитель уверенно продвигался вперёд, уворачиваясь от острых ветвей, которые по мере пути становились всё толще и выше. Каменные монстры, лишь притворявшиеся деревьями, поистине сторожили солёное озеро. Никто из тариканцев не смел входить в каменную чащу, но Иллион знал: в самом кольце исполинов нет ничего страшного, если не считать сернистого запаха и удушливой жары, исходявшей от плотно расставленной раскалённой породы.

Главную опасность здесь таила только неосторожность собственных движений - неудачный поворот и ты труп или увечный. В этом и заключалась главная мудрость Пепельной Пустоши: здесь ничто не пыталось намеренно оборвать чужую жизнь. Погибшие в этом краю не от рук пустынных дикарей умирали лишь из-за глупости, опрометчивости или гордыни. Вот только с небесными гостями дело складывалось по-иному - не они специально летели к каменным пикам гибели, а буря сыграла с ними жестокую шутку.

Если кому-то из них и могла улыбнуться удача, то пришелец отделался бы переломами или потерей конечностей, хотя Иллион ясно понимал, насколько это было маловероятно. Но если вдруг, по какому-то немыслимому везению, кто-то пережил бы падение, служитель был готов оказать помощь, а в полевой медицине он кое-что да понимал. Любовь к чтению и собственный опыт позволили сыну Гиарата постичь азы врачевания, причём не только людского. Но главное, почему Иллион был готов пойти на всё ради спасения пришельцев, заключалось в наставлении из второй строчки незаконченного восьмого стиха «Предвестия».

*Не будь слеп в наивности:
Не все существа - чудовища,
Не все разумные - человечны,*

Не всё нев...

Иллион вдруг услышал нарастающий над головой звук, похожий на треск костра. Не успел он поднять взгляд, как в шагах тридцати прогремел удар, принёсший жуткий диковинный вопль и чавкающее эхо. Тогда на землю упали три крупные части туши существа, окропив окружавшие деревья кровью и ошмётками внутренностей. Чудищевода обуял шок, настолько безжалостно ветвистые каменные вилы разорвали пришлую тварь на куски и наполнили воздух вяжущим, металлическим привкусом. Полумрак, обитавший здесь из-за плотных скопищ голых веток, мешал Иллиону разглядеть, что именно за бестия рухнула в недра чаши, но она точно оказалась вдвое больше взрослого коня. Монстрологу нестерпимо хотелось изучить останки поближе, но узрев, что стало со зверем, он решил не тратить время на растерзанную плоть и устремился к водам озера, навстречу пока ещё летевшему и живому пришельцу.

Служитель надеялся, что гуманоид влетит в солёную пучину, ведь это давало хоть какие-то призрачные шансы на спасение. Переломов и солевых ожогов, как думал Иллион, небесному гостю было не избежать, но лучше уж это, чем быть разорванным непоколебимым многовековым камнем. Чаща скоро должна была уступить место узкому побережью, но внезапно путник остановился - в дыхание вцепился дерущий запах сернистой соли.

Сквозь мучительный спазм удушья монстролог услышал громкий всплеск воды. Прокашлявшись, Иллион, преодолевая себя и пламя в горле, рванулся вперёд и наконец вырвался к озёрной кромке. Ему, да и пришельцу, несказанно повезло: незнакомец упал близ берега, водяные кольца и витавшие в воздухе остатки фиолетовой дымки выдали точное место. Но доброму знамению сразу же воспротивилось иное. Живому здесь было не место, поэтому надо было поторапливаться, пока солёная влага окончательно не высушила в теле жертвы бури нужные для выживания силы, а едкие испарения не придушили сразу двух неожиданных гостей.

Удача улыбнулась Иллиону - пришелец всплыл куда ближе, чем рассчитывал служитель. Озеро было большим: окажись гуманоид у противоположного берега, спасателю пришлось бы огибать всю кромку уже для спасения солонины. Другим проявлением везенья стал свет - монструозные тучи окончательно рассосались, и зеркало рапы щедро заливало на удивление нежаркое солнце.

Служитель на бегу скинул с себя головную перевязь и мешок, а затем стянул рубаху. Иллион ещё не прикоснулся к солёной влаге, но во рту уже осел вяжущий привкус соляного кома. Невзирая на предстоящие муки, чудищевед с разбега прыгнул в остатки фиолетовой дымки, ощутил обжигающее солевое жжение, обхватил качающегося на мелких волнах небесного гостя и зажёб к суше. Вскоре спасатель нащупал ногами режущую минеральную корку и, подхватив бессознательную жертву падения, вытащил её из воды и понёс подальше, где солёный грунт переходил в пепельную землю. К этому времени монстролог уже знал: на его руках лежит не просто голый человек, а мальчишка, от десяти до двенадцати лет на вид.

Положив дитя на землю, Иллион первым делом протёр собственное лицо и откашлялся, а затем проверил дыхание мальчишки. Он был жив. На вид у найдёныша не замечалось ярко выраженной деформации конечностей, а ровный вдох не омрачали легочные хрипы. Это показалось монстрологу невообразимым чудом: небесный гость не просто выглядел невредимым, но и упал в воду спиной. Когда соль вытолкнула его на поверхность, пришелец не успел наглотаться иссушающей влаги. Спасатель догадывался, почему так произошло: мальчишку уберегло непонятное фиолетовое облако, которое приняло на себя основной удар о плотную гладь озера. Но почему такое же явление не подхватило погибшую бестию, чудищевед не понимал, да и размышлять над этим не было времени - Иллион по горькому опыту знал, чего могло стоить промедление.

Чудищевед метнулся за пожитками. Первым делом он откупорил бутылку и осторожно влил пресную воду ребёнку в рот, следом просунул глубоко между губ палец, счищая соля-

ную корку. Ещё раз ополоснув рот гостя, Иллион повернул мальчика набок и хлопнул между лопаток. Спасённый кашлянул, из рта вылетела пробка густой слюны, смешанной с белыми крупичками соли. Сына Гиарата это обрадовало до глубины души, ведь он честно отвоевал у смерти эту маленькую жизнь.

Служитель достал из мешка тряпку, предназначенную для натирки головы Вермила, обильно смочил водой и наспех омыл тело небесного гостя. Затем облачил мальчика в свою рубаху с рукавами. Сделать это оказалось непросто, поскольку найдёныш, вопреки стройному сложению, оказался на удивление тяжёлым - голода его плоть и кости точно не знавали. Другое отличие от обитателей мертвенной равнины заключалось во внешности: небесный человек был бледен, и если на его коже не останется следов от соляных ожогов, то жгучее солнце пустыни определённо выжжет своё клеймо.

Смочив тряпку ещё раз, Иллион протёр своё тело и лицо, затем выжал кусок ткани, сунул его обратно в мешок и обернул голову второй рубахой. Служитель вынужденно выпил пахнущей воды из запасов, отчётливо понимая, насколько трудным предстоит поход. Закупорив бутылку, монстролог вернул её в суму, не забыв ещё раз пересчитать содержимое. Всё на месте. Спаситель перекинул её верёвку через плечо, взял ребёнка за руки, приподнял, выставил ногу в упор коленям мальчика и одним слитным движением вскинул его обмякшее тело на плечо.

- Уф-ф-ф... Кх-х-кх

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.